Венгерские народные сказки

Белый мышонок

А было это там, где и не было, за семьюдесятью странами-государствами, жил в тех краях бедный человек. Жена попалась ему раскрасавица, а вот детишек не было у них ни единого. Уж как они молились, к богу взывали, с тем и спать ложились, с тем и вставали.
— Господи, господи, благослови ты нас дитятком, пусть хоть малюсеньким, пусть хоть с горошинку.
Но не доходили, видать, до бога их молитвы.
Ну, время идет, у бедняка на сердце кошки скребут, жена его и вовсе горюет. Но вдруг как-то утром она говорит:
— Послушайте, муженек, какой странный сон мне нынче приснился!
— Ну-ну, расскажи, а я послушаю.
— Будто приходит к нам в дом седой старец и говорит: «Знаю, об чем ты да муж твой печалитесь. Так вот, коли вправду хотите вы какого-никакого дитенка иметь, нынче же утром выйдите оба за ворота и стойте там, ждите. Кого б ни увидели первым, будь то человек или любая другая живая тварь, ловите его и в дом несите. Это и будет вам сын».
— Ну и ну, жена, странный сон, право. А все же попытка не пытка, пойдем-ка.
Оделись они поскорей, за ворота вышли, стоят.
Вдруг, откуда ни возьмись, бежит по дороге белый мышонок.
Муж и жена ему наперерез бросились, поймали, жена за пазуху мышонка спрятала, в дом понесла.
Стал мышонок у них за сына жить, а кормили его хлебом, в молоке смоченном.
Прошло сколько-то времени, мышонок говорит бедняку:
— Ступайте, дорогой отец, к королю' и скажите ему, что просите для сына своего руки его дочери.
— Опомнись, несчастный, что ты плетешь! Осерчает король, велит голову мне отрубить!
— Ничего не бойтесь, дорогой отец, ступайте к королю и сделайте, как я сказал. Остальное дело мое.
Не отступался белый мышонок, день и ночь отца уговаривал, наконец бедняк махнул рукой да и пошел к королю. А дворец был от дома их не так чтоб и далеко — на ружейный выстрел, не дале.
Заглянул бедняк в ворота королевские, а король как раз по двору прохаживается, солдатам смотр делает. Бедняк подошел поближе, поклонился, поздоровался честь по чести и говорит:
— Ваше королевское величество, жизнь и смерть моя в ваших руках. А явился я к вам по той причине, что единственный мой сынок, белый мышонок, велел мне просить для него руки вашей дочери.
Ох и смеялся король, даже слезы на глазах выступили.
— Ну-ну, бедный человек, будь по-твоему. Только должен сперва твой сын три дела исполнить, а не сумеет — велю отрубить ему голову да на кол насадить, для острастки. Первое задание будет такое: пусть проберется в сад феи Илоны и принесет оттуда три золотых яблока.
Поплелся бедняк домой, идет, клянет себя: и как же он глупой затее
белого мышонка поддался, теперь вот приходится единственного сына лишаться. Чуть не помер с горя бедняга, пока до родного порога дошел. Рассказал сыну, чего король от него требует. А белый мышонок ему говорит:
— Подумаешь, дело великое — три золотых яблока достать! Не терзайтесь, не мучайте себя, дорогой отец, я их нынче же принесу.
Юркнул мышонок за дверь — да и был таков, только у сада феи Илоны дух перевел. Нашел дырку в заборе, прошмыгнул в сад, на первое же дерево влез, сорвал золотое яблоко. Но какой трезвон поднялся тут в саду, если б вы знали,— да что там в саду, на весь свет тот трезвон слышно было!
Мышонок глазом моргнуть не успел, как с шумом, с громом примчался семиглавый дракон (чтоб вы знали, фея Илона ему приказала свой сад охранять). Огонь из семи драконьих пастей так и

пышет, все вокруг опаляет. Подлетел дракон к яблоне, головами своими вертит, во все глаза глядит — что случилось, нет ли гостя незваного?
Но белый мышонок в дупле затаился, так и просидел там не шевелясь, пока дракон прочь не умчался. Тут он из дупла выскочил, сорвал еще два яблока и в один миг по ту сторону забора оказался.
То-то удивился бедняк, когда мышонок три золотых яблока принес, чуть не в пляс пустился на радостях! Тотчас яблоки в котомку сунул и чуть не бегом к королю.
— Извольте принять, ваше величество, вот они, три золотых яблока. Король и так, и эдак яблоки вертел, со всех сторон разглядывал, но
не нашел никакого изъяна. Яблоки точно те самые, из чистого золота, из сада волшебного. Какие он требовал.
— Ладно, бедняк, яблоки сын твой добыл. Да только ведь еще два дела исполнить надобно. Ты ему вот что скажи: ежели к утру не построит он на месте твоего дома дворец золотой, точь-в-точь такой же, как мой, и чтоб так же на петушиной ноге вокруг себя поворачивался, утром казню я его, страшной смерти предам.
Вот когда несчастный бедняк испугался! Разве ж под силу малюсенькому мышонку этакий дворец выстроить, когда он и с игрушечным домиком нипочем бы не справился. Одно дело яблоки выкрасть, а уж это... Даже заплакал бедняк, в дом войдя и сына увидев.
— Ох, сыночек любимый, навлек ты на себя беду неминучую. Ежели к утру на месте нашей лачуги не встанет дворец, точь-в-точь как у самого короля, страшной смертью казнят тебя!
А сын-мышонок ему отвечает:
— И вы из-за такого пустяка убиваетесь, батюшка? Ложитесь-ка да спите спокойно и вы, и добрая матушка, а как проснетесь, чудо увидете.
Когда совсем уж стемнело, выскочил белый мышонок во двор, вынул свисток да как засвистит! В тот же миг со всех сторон черти слетелись, и набралось их столько, что небо почернело, ни звезд, ни луны не видать. А старый хромой черт к белому мышонку подскочил и говорит:
— Приказывай, мой повелитель!
— Прежде всего этот дом разберите, да так, чтоб родители мои не проснулись, а на его месте золотой дворец поставьте, в точности такой, как у короля.
Эх, началась тут у чертей свистопляска! Забегали они, завертелись, засуетились, однако ж к рассвету все было исполнено — вырос на месте
бедняцкой лачуги дворец, словно век там стоял. Утром проснулись бедняк и жена его, глаза протирают, ничего понять не могут, друг дружку локтями подталкивают, друг у друга спрашивают: может, сон это? мы это или не мы?
Белый мышонок к ним подбежал, смеется: вы это, вы, говорит, кто ж еще?
Соскочил тут бедняк с золоченого ложа, парчовую одежу на себя натянул и побежал к королю. А тот уж давно у окошка стоит, на точный слепок своего же дворца смотрит. Бедняка он увидел издали, закричал:
— Ах ты, колдун и отец колдуна! Не входи ко мне, стой где стоишь и слушай: чтоб к утру построил твой сын мост золотой между нашими дворцами и чтоб по обеим сторонам того моста золотые деревья росли, а на них золотые птицы пели. Иначе весь ваш род изведу!
Пошел бедняк домой, но только на этот раз он не слишком-то опечалился. Если те два задания сынок выполнил, так уж, верно, и с этим справится, думал бедняк про себя — и не ошибся. Утром он уже по золотому мосту шагал к королю. И белого мышонка с собою взял. Вступили они в покои королевские, поздоровались как положено, бедняк и говорит:
— Ваше величество, господин король, жизнь моя и смерть моя в ваших руках, только я на этот раз

и сына с собой привел. Пора бы и свадьбу сыграть.
Король было на попятную, отговариваться стал по-всякому, да только что же делать-то — слово дано, обратно не возьмешь. Призвали королевну. Ох, что с ней было, с бедняжкой, когда она своего суженого увидела! Уж она и плакала, и рыдала, и наземь семьдесят семь раз бросалась, а все без толку — созвали народ, свадьбу сыграли. Тут и вечер настал, молодые в спальню свою пошли. Плачет королевна, клянется, что нипочем не будет мышонку женой и чтоб не смел он до нее коснуться — она тут же голову ему свернет, не задумается!
А мышонок подпрыгнул вдруг, через голову перевернулся и — вот чудо так чудо! — обернулся красивым и статным юношей.
— Не бойся меня, прекрасная королевна,— сказал он,— я никакой не мышонок, а самый настоящий королевич, только лежит на мне страшное отцово заклятье: семь лет, семь недель и семь дней должен я белым мышонком прожить. Время заклятья еще не кончилось, так что гляди, никому на свете о том не обмолвись, не то нам обоим худо придется.
Королевна обрадовалась, обещала, что никому ни словечка не скажет. Да только утром король-отец стал у нее допытываться, кто на самом-то деле муж ее, и до тех пор не отпускал, пока она не проговорилась.
«Так нет же,— сказал себе король,— не будет мой зять в мышиной шкуре ходить!» Позвал он к себе старуху одну, ведунью, приказал ей в спальне молодых спрятаться, а когда белый мышонок свою шкурку сбросит, незаметно ее утащить да тут же и сжечь.
Старая ведунья так и сделала, в спальне молодых загодя под кроватью спряталась, а когда они спать легли, потихоньку вылезла, шкурку мышонка нашла и в огонь бросила. Сгорела шкурка.
Утром белый мышонок просыпается, хочет шкурку надеть, ан нет ее! Опечалился он, говорит жене:
— Не сдержала ты слова, жена, кто-то украл мою шкурку. Теперь я должен поскорее бежать отсюда, домой к отцу-королю воротиться, в его черную крепость. А ведь мне всего-то шесть дней оставалось до срока!
Молодая жена плачет, слезами обливается.
— Что ж,— говорит ей мышонок,— если хочешь ты моей женою остаться, надо и тебе за мною идти.
Вынул он тут золотой обруч и надел его жене на руки.
— Носи этот обруч, пока в разлуке мы, и я буду знать, что ты моя, никого другого обнять не хочешь. Сейчас я отправлюсь в черную крепость, ступай и ты туда же, в одной сорочке иди, босиком, с обручем на руках. Придешь к крепостным воротам, стань там и кричи громко: «Выдь ко мне, королевич, отцом заклятый, я жена твоя, сними с моих рук золотой обруч!» Коли желаешь меня вызволить, семь дней, семь ночей там простоишь, будешь звать меня, пока заклятье не снимется.
Зарыдали они оба горько, попрощались, и белый мышонок, теперь уже в человечьем обличье, ушел в дальнюю дорогу. Под вечер и его молодая жена пошла за ним следом, нигде не останавливалась ни на минутку, пока не увидела черную крепость. Стала она у крепостных ворот и закричала громко:
— Выйди, королевич, отцом заклятый, я жена твоя, сними с моих рук золотой обруч!
Семь дней, семь ночей звала она так своего мужа. Наконец ворота крепости отворились, выбежал красавец королевич к жене, обнял ее, поцеловал, а золотой обруч сам собою раскрылся, к их ногам упал. Собрались они в путь — первым делом «белый мышонок» своих названых родителей желал навестить,— сели в скорлупу ореховую, по речке Кюккёлё вниз поплыли-поехали.
Так и плывут, завтра к вам в гости нагрянут.